

УДК 930.1 «19»

**Г.П. ФЕДОТОВ О ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

М.И. Матюшевская

*Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова,
г. Могилев (Беларусь)*

Аннотация

Статья посвящена изучению творческого наследия Г.П. Федотова – историка, философа и публициста, эмигрировавшего из России после Октябрьской революции 1917 года. В статье в общеевропейском контексте рассмотрены отмеченные Г.П. Федотовым особенности духовной культуры России первой половины XX века и причинно-следственные связи исторического процесса, обуславливавшие их.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 года, интеллигенция, социальная структура, цивилизация, национализм, империализм, Первая мировая война, Вторая мировая война, холодная война, коммунизм, фашизм, СССР, Германия, США, глобализация, христианство, православная церковь.

**G.P. FEDOTOV ABOUT THE SPIRITUAL CULTURE OF RUSSIA IN THE
FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY**

M.I. Matsiusheuskaya

*Mogilev State University of A.A. Kuleshov,
Mogilev (Belorus)*

Annotation

The article is devoted to the study of the creative heritage of G.P. Fedotov – a historian, philosopher and journalist who emigrated from Russia after the October Revolution of 1917. The article is considered in the European context marked G.P. Fedotov features of spiritual culture of Russia in the first half of the twentieth century and the causal relationships of the historical process that lead to it.

Keywords: 1917 October Revolution, intellectuals, social structure, civilization, nationalism, imperialism, World War I, World War II, the Cold War, communism, fascism, the Soviet Union, Germany, the United States, globalization, Christianity, Orthodox Church.

Научный календарь 2016 года отмечен важной датой: 13 октября исполняется 130 лет со дня рождения Г.П. Федотова – историка, философа, публициста, беззаветно преданного своему Отечеству патриота, который был вынужден эмигрировать из России в 1925 году.

Труды Г.П. Федотова долгое время оставались недоступными массовому советскому читателю, и только с начала 1990-х годов на постсоветском пространстве начался процесс осмысления его творческого наследия. На сегодняшний день он еще далек от своего завершения. Напротив, публикации последних лет в российских научных изданиях свидетельствуют о росте исследовательского интереса к личности Г.П. Федотова и интеллектуальным идеям, высказанным им.

Цель данной статьи – рассмотреть отмеченные Г.П. Федотовым особенности духовной культуры России в первой половине XX века и причинно-следственные связи исторического процесса, обуславливавшие их. Для достижения поставленной цели в статье использованы методы историографического анализа и реконструкции научных исторических воззрений Г.П. Федотова. Аксиологический метод и связанная с ним оценка научной истинности и актуальности идей Г.П. Федотова для решения современных социально-культурных и политических проблем российской действительности автором статьи не привлекались в связи дискуссионностью данной темы, требующей отдельного самостоятельного научного исследования.

Во второй половине 1920-х – 1930-е годы основной темой публицистических произведений Г.П. Федотова была Октябрьская революция 1917 года. Ее анализу посвящены такие статьи Г.П. Федотова как «Трагедия интеллигенции» (Париж, 1926 г.) [14], «Революция идет» (Париж, 1929 г.) [9], «Будет ли существовать Россия?» (Париж, 1929 г.) [1], «Проблемы будущей России» (Париж, 1931 г.) [8], «Создание элиты (Письма о русской культуре)» (Париж, 1939 г.) [10].

В этих статьях логика рассуждений Г.П. Федотова выстраивалась вокруг главного из сделанных им выводов: «...Каков бы ни был политический смысл русской революции, ее культурное содержание может быть описано, с крайней схематичностью, следующим образом: русская культура, доселе творимая и хранимая интеллигенцией, спускается в самую глубину масс и вызывает полный переворот в их сознании... Культура перестала быть замкнутой или двухэтажной. Старое противопоставление интеллигенции и народа потеряло свой смысл. От центра к периферии движение

интеллектуальной крови совершается без задержек и сбоев. Россия в культурном смысле стала единым организмом...» [10, с. 206-207].

По мысли Г.П. Федотова, причина былого противостояния народа и интеллигенции заключалась в культурном отставании России от стран Запада и начавшемся с XVII века процессе импорта западноевропейской культуры. Г.П. Федотов отмечал: «...Две силы держали и строили русскую Империю: одна пассивная – неисчерпаемая выносливость и верность народных масс, другая активная – военное мужество и государственное сознание дворянства... Эти силы были чужды друг другу. Со времен европеизации высших слоев русского общества дворянство видело в народе дикаря, хотя бы и невинного...; народ смотрел на господ как на вероотступников и полунемцев... Единственной скрепой нации была вера в царя – религиозная для одних, национальная для других...» [9, с. 128].

К 1917 году дворянство как класс умирало, но по-прежнему имело большое влияние в культурной жизни общества: «...Главным проводником дворянских влияний, настоящей машиной для переливки в дворянские формы демократической России была школа. Средняя и высшая школа создана у нас государством для надобностей дворянства и образования бюрократии. Такой характер она сохранила до самого конца...» [9, с. 146]. Попадая в дворянскую школу, формирующаяся разночинная интеллигенция усваивала дворянскую систему ценностей. Этим фактом Г.П. Федотов объяснял презрение российской интеллигенции к черному труду, ведению хозяйства и даже спорту: «...Привыкнув дышать разреженным воздухом идей, она с ужасом и отвращением взирала на мир действительности... Отсюда пресловутый максимализм ее программ, радикализм – тактики...» [9, с. 144].

Еще более опасным, чем презрение к черному труду, было презрение дворян и разночинцев к ведению хозяйства. Дворянство рассматривало управление своими вотчинами как обузу, но земля, отданная в аренду или управляемая заведомыми ворами-приказчиками, не могла быть источником появления хозяйственной этики. Промышленность, торговля были уделом черной кости. В социалистическом сознании разночинцев также не нашлось аргументов в защиту свободного хозяйства.

В результате «...крестьянин видел перед собой непонятное, беспомощное существо, которое претендовало учить его, но вызывало его презрение. Оно было по-господски одето, говорило барским языком и хотя чем-то, несомненно, отличалось от настоящих господ, но для народа не было возможности входить в разбирательство оттенков во вражеском стане.

Интеллигент всегда был для мужика барином, пока в один прекрасный день не был перекрещен в буржуя...» [9, с. 157].

По оценке Г.П. Федотова, «...К 1917 году народ в массе своей срывается с исторической почвы, теряет веру в Бога, в царя, теряет быт и нравственные устои...» [14, с. 99]. «...Наша эпоха уже не знает бессознательно-органической стихии народа. Эти источники культуры почти иссякли, эта «земля» перепахана и выпажана... Русский народ вступил в полосу рационализма, верит в книжку, в печатное слово, формирует (или уродует) свой облик с детских лет в школе в обстановке искусственной культуры...» [8, с. 251]. Советская Россия создает новую государственность, новые социальные классы и новую культуру.

То, что произошло в советской России, Г.П. Федотов не представлял как нечто странное и небывалое. Россия приблизилась к общеевропейскому типу демократической культуры. Однако здесь этот процесс оказался форсированным, а из-за сознательного истребления интеллигенции произошло понижение уровня культуры, ее демократизация приобрела зловещий характер.

Г.П. Федотов указывал: «...Широкой волной текущая в народ культура перестает быть культурой. Народ думает, что для него открылись все двери, доступны все тайны, которыми прежде владели буржуи и господа. Но он обманут и обворован... Университеты открыты для всех, в России насчитывается до 700 высших школ, но есть ли хоть одна высшая школа, достойная этого имени, равная по качеству старому университету? В этом позволительно сомневаться. Рабочий или крестьянский парень, огромными трудами и потом стяжавший себе диплом врача или инженера, не умеет ни писать, ни даже правильно говорить по-русски. Приобретя известный запас профессиональных сведений, он совершенно лишен общей культуры и, раскрывая книгу, встречаясь с уцелевшим интеллигентом старой школы, на каждом шагу мучительно чувствует свое невежество. Специалистом он, может быть, и стал – очень узким, конечно, – но культурным человеком не стал и не станет... Исчезла та среда, которая прежде перерабатывала, обтесывала юного варвара, в нее вступившего, лучше всякой школы и книг. Без этой среды, без воздуха культуры школа теряет свое влияние, книга перестает быть вполне понятной. Культура как организующая форма сознания распадается на множество бессвязных элементов, из которых ни один сам по себе, ни их сумма не являются культурой...» [10, с. 207-208].

В статьях «Новая Россия» (Париж, 1930 г.) [5], «Тяжба о России» (Париж, 1936 г.) [15], «Сталинокрапия» (Париж, 1936 г.) [11] Г.П. Федотов

рассуждал о социальных последствиях культурных перемен, произошедших в стране после Октября 1917 года. По его мнению, советский вуз, как и советская каторга, приобрели значение классовых дифференциаций: «...Господа жизни, вновь созданные революцией, с одной стороны, – а с другой – поработанные массы...» [15, с. 112] Однако историк отмечал, что в современной ему российской действительности эти классовые различия еще очень неустойчивы. Лично завоеванное положение легко гибнет. Неравенство в обществе пока не приобрело стабильного характера.

Г.П. Федотов пишет: «...И в колхозах, и на заводе, как и в концлагере, есть своя аристократия, свои удачники: стахановцы, ударники, активисты. Строить карьеру можно начиная с самых низших ступеней. Стахановцам должны быть присущи социальный оптимизм и веселая мораль господ. С другой стороны, повсюду так легко оступиться и упасть. Сколько людей, в разгаре головокружительной карьеры, останавливаются в холодном поту, чувствуя, что незримая рука приближается их горлу. Не сегодня – завтра позовут «с вещами»...» [15, с. 112].

Г.П. Федотов обращает также внимание на «болото» – прослойку обывателей. В рассуждениях об их роли в советской России он приходит к парадоксальному выводу: «...Социалистическому обществу не удалось избежать своего мещанства. Оно выполняет даже положительную морально-санитарную роль... Эта вялая, рыхлая масса смягчает, как подушка, жестокость сильных и ненависть слабых. Здесь находит свое последнее прибежище жалость. Эта бытовая бескостная масса связана, одной стороной, с господами, другой – с рабами. Без нее общество – всякое общество – расколосилось бы на враждующие классы...» [15, с. 113].

Г.П. Федотов был убежден, что с течением времени советское общество неизбежно придет к устойчивой социальной структуре. «...В эволюции сталинизма подтверждается опыт всех «великих» революций: главный смысл их состоит в смене правящего слоя, образование новой аристократии означает объективное завершение революции...» [11, с. 95].

В этой связи Г.П. Федотова особенно интересовало духовное будущее России. Он задавался вопросом: «...Куда идет она? К социалистическому мещанству, которое пророчил Герцен для Европы, к Пошехонью в 1/6 части света или к новому гуманизму, к новому расцвету русской культуры и осуществлению пророческих обетований XIX века?..» [11, с. 97].

Ответ на эти вопросы Г.П. Федотов давал с религиозной, православной христианской точки зрения. В статье «О национальном покаянии» (Париж, 1933 г.) он писал: «...Человек без Бога не может оставаться человеком.

Обезбоженный человек становится зверем – в борьбе – или домашним животным – в укрощенной цивилизации...» [7, с. 43].

Свое понимание терминов «цивилизация» и «культура» Г.П. Федотов раскрыл в статье «Завтрашний день» (Париж, 1938 г.). По его мнению, понятие «цивилизация», господствующее в России с 60-х годов XIX века, ввел в научный оборот Бокль. «...Его цивилизация слагается из роста технических и научных знаний плюс прогресс социальных и политических форм. В основе этого понимания культуры лежит завещанная утилитаризмом идея счастья или, вернее, удовлетворения потребностей. Человеческая жизнь не имеет другого смысла, и комфорт, материальный и моральный, остается последним критерием цивилизации...» [2, с. 200].

Борьбу против такого понимания цивилизации в дореволюционной России вели Толстой и Достоевский, в Западной Европе – немецкие философы и «модернистское» искусство. «...С легкой руки немцев, мы теперь противопоставляем культуру цивилизации, понимая первую как иерархию духовных ценностей. Цивилизация, конечно, включается в культуру, но в ее низших этажах. Культура имеет отношение не к счастью человека, а к его достоинству и призванию. Не в удовлетворении потребностей, а в творчестве, в познании, в служении высшему творится культура...» [2, с. 200].

По оценке Г.П. Федотова, в России начала XX века побеждало не утилитарное и количественное, а духовное и качественное понимание культуры. В начавшихся войнах, революциях, экономических кризисах и катастрофах вновь, с необычайной мощью, заявили о себе низшие, элементарные стихии культуры.

Первая мировая война не только в России, но и во всей Европе вскрыла глубокий кризис в идее гуманистической культуры. «...Тупики, к которым она пришла во многих своих областях – нагляднее всего в искусстве, – выразили глубокое разочарование в самом смысле культуры. Увы, самые утонченные и передовые, возжаждали грубости и простоты. В спорте, в технике, в политике ищут спасения от вопросов духа. Сплошь и рядом эти жизненные установки совмещаются с религиозной – в религии авторитарной и искусственно примитивной, в которой вытравлено все гуманистическое и культурное содержание. Современный фашизм и коммунизм именно поэтому оказываются соблазнительными для многих тонких умов, ренегатов гуманистической культуры...» [2, с. 201].

Историк подчеркивал: «...Все новейшие революции создают один и тот же психологический тип: военно-спортивный, волевой и

антиинтеллектуальный, технически ориентированный, строящий иерархию ценностей на примате власти. Этот тип человека есть последний продукт западной цивилизации, продукт перерождения буржуазного индивидуализма. В нем нет ничего русского, немецкого, итальянского...» [5, с. 170].

Г.П. Федотов отметил еще одну важную черту, присущую европейской духовной культуре XX века – национализм. Этой теме он посвятил статьи «Сумерки Отчества» (Париж, 1931 г.) [13] и «Новый идол» (Париж, 1935 г.) [6], в которых показал, что отличительной особенностью национальных чувств является сплетение в них низменных устремлений людей с благородными, возвышенными аффектами. В сознании европейцев XX века такой сплав чувств означал исключительную значимость понятия Отчества. Оно стало единственной религией, единственным моральным императивом. Величие Родины оправдывает всякий грех, превращает низость в геройство.

Анализируя национальное сознание европейцев XIX-XX веков, Г.П. Федотов обратил внимание на факт его сужения в течение XIX века и рост насильственности: «...Романтики, творцы современного национального сознания когда-то любовно пестовали чужих детей. Кельтский, германский, романский фольклор, универсальный мир средневековья – представляли общий фонд, откуда черпали певцы и культуртрегеры современного национализма. В наши дни подобная широта представляется невозможной...» [13, с. 321].

Историк заключал: «...национализм торжествует во всем мире: в демократиях, в фашистских государствах и в псевдокоммунистической псевдореспублике. В демократии национализм консервативен, являясь формой коллективной защиты интересов; в фашизме он агрессивен, борется не столько за интересы, сколько за чистую мощь и принимает форму социальной религии, требующей человеческих жертв...» [6, с. 53-54].

Г.П. Федотов сравнил государственную идеологию 1930-х годов в Германии и СССР и не выявил принципиальных различий между ними: «...Кровное родство между фашистской группой держав, включая Россию, несравненно сильнее их национальных отличий: последние носят порой чисто символический характер... Посмотрите на воинствующую молодежь всех фашистских (и «коммунистических») народов. За яростью, искажающей человеческие лица, за жестами вызова, ненависти, борьбы – какое содержание заполняет их черепные коробки? Какова картина их нового мира? Не одна ли и та же для всех? Гиганты современной техники, авиация, радио, интернациональный кинематограф, вытеснивший национальный театр, мораль казарменной дисциплины и верности вождям, и маршировка,

маршировка без конца...Но что может интернациональнее техники и психологии войны? Современный солдат – это пролетарий военной индустрии» [6, с. 53-54].

Анализируя идеологию советского государства, Г.П. Федотов так описал «коренной перелом», произошедший в ней по сравнению с 1920-ми годами: «...Вещь неслыханная, невозможная вчера: в СССР «родина» объявлена священным словом. Родина склоняется во всех падежах, комсомольцы учатся патриотизму по классическим прописям: то есть прежде всего национальной гордости. Первая в мире страна, самая свободная, самая мощная, самая передовая! На нее все покушаются – мы дадим отпор. И враги – это уже не мировая буржуазия, а конкретно: Япония, Германия. Нельзя думать, что все это пишется и говорится по заказу. Естественнее предполагать, что власть только открыла шлюзы, долго сдерживавшие поток бурной национальной стихии...» [6, с. 53].

Г.П. Федотов смотрел на события, происходившие в СССР и Германии 1930-х годов, глазами христианского философа. Поэтому его отношение к смене идеологий в этих государствах было двойственным.

С одной стороны, проводившаяся СССР и Германией политика вызывала у Г.П. Федотова протест. С другой стороны, он подчеркивал культурную подоплеку происходивших процессов. Г.П. Федотов был убежден, что национальная идея еще не исчерпала себя в русской культуре: «...Мы были бы преступниками, если бы в борьбе с коммунизмом пытались задушить самую идею общения, солидарности, бесклассового общества. Столь же нелепо было бы пытаться истребить идею нации, любовь к России, искание национального призвания...» [6, с. 64].

Развивая эту мысль в статье «Защита России» (Париж, 1936 г.), Г.П. Федотов писал: «...Эмигранты всех времен и народов боролись с оружием в руках против своей родины. Почему же теперь для нас, и христиан, революционеров, измена сталинской России ощущается не только как политическая ошибка, но и как моральный грех?... Это чувство я определил бы, за отсутствием другого слова, как чувство хрупкости России...» [3, с. 122]. Применительно к эмигрантским кругам кануна Второй мировой войны этот вывод историк озвучил так: «...Там, где одна из возможностей есть смерть России, расчеты смолкают. Кто не с Россией в эти роковые дни, тот совершает – может быть, сам того не осознавая – последнее и безвозвратное отречение от нее...» [3, с. 125].

Новым этапом в осмыслении духовной культуры России первой половины XX века стал для Г.П. Федотова нью-йоркский период его

творчества. В США историк был вынужден переехать в январе 1941 г., после того как началась немецкая оккупация Европы. Здесь одним из самых значительных его произведений стала статья «Судьба империй» (Нью-Йорк, 1947 г.) [12].

В этой статье Г.П. Федотов рассмотрел такое явление европейской жизни конца XIX – первой половины XX века как империализм. Он доказывал, что причины появления колониального империализма ведущих государств Западной Европы, создания Российской империи, складывания фашистской Германской империи никогда не сводились только к экономическим интересам государств. В основе геополитики мировых держав всегда лежали духовные структуры общества – языческие комплексы, обустраивающие волю к власти, пафос славы и тщеславие людей.

В XX веке на службу мечу стали новые идеологии, но они не изменили главной сути империализма. Поэтому Вторую мировую войну Г.П. Федотов рассматривал в теснейшей связи с Первой мировой войной, как ее второй акт, который окончился крушением германского варианта мировой империи.

После окончания Второй мировой войны над руинами Европы возвысились два гиганта, два победителя – СССР и США. Г.П. Федотов характеризовал СССР как наследника Российской империи, последнюю империю в Европе, устоявшую по итогам Первой и Второй мировой войны. Оценка США в условиях начавшейся холодной войны прозвучала у него более осторожно. Однако вывод относительно внешнеполитических отношений между СССР и США был для Г.П. Федотова однозначен: «...Борьба между двумя Империями уже ведется методами дипломатии, экономики, пропаганды...» [12, с. 324].

Г.П. Федотов много внимания уделил характеристике СССР как империи. Главную угрозу ее будущему существованию он видел в развитии национальных движений внутри страны.

Историк писал о том, что большевизм собрал бывшую Российскую империю силой террора. Отсутствие политической свободы он прикрыл обильными побрякушками национальному тщеславию. Но «...национальный романтизм, неизбежно принимавший националистическую окраску, был ему ненавистен. На десятках языков Союза должны были печататься и читаться только полные собрания сочинений Маркса и Ленина. Это было достигнуто, с прибавлением од Сталину. Для этого понадобилось задушить национальные литературы (особенно украинскую и тюркскую) с истреблением значительной части их интеллигенции. С тех пор национальные движения были загнаны в подполье.– Но это значит, что

опять, как в царские времена, на окраинах скопляются центробежные силы, готовые взорвать мнимофедеративную Империю...» [12, с. 323].

Г.П. Федотов отмечал заметный процент «националов» в населении советских концлагерей. Анализируя события Второй мировой войны, он писал: «...Мы знаем об украинских воинских частях, сражавшихся вместе с немцами, об украинской Церкви, об эмбрионе украинского правительства. Пораженчество, конечно, захватило и Великороссию, но на Украине оно сказалось много ярче...» [12, с. 324]. После окончания Второй мировой войны, по мнению историка, большую роль в судьбе СССР начинает играть внешнеполитический фактор.

Г.П. Федотов предрекал будущий крах СССР. В этой связи он писал: «...Если бы не было никаких сепаратизмов в России, их создали бы искусственно; раздел России все равно был бы предрешен. Фактическое положение сделает возможным произвести его в согласии с волей большинства ее народов, в условиях демократической справедливости...» [12, с. 325].

Историк предполагал: «...Россия не умрет, пока жив русский народ, пока он живет на своей земле, говорит своим языком. Великороссия, да еще с придачей Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго), все еще представляет огромное тело, с огромным населением, все еще самый крупный из европейских народов. Россия потеряет донецкий уголь, бакинскую нефть – но Франция, Германия и столько народов никогда нефти не имели. Она обеднеет, но только потенциально, потому что та нищета, в которой она живет при коммунистической системе, уйдет в прошлое. Ее военный потенциал сократится, но он потеряет свой смысл при всеобщем разоружении. Если разоружения не произойдет, то погибнет не одна Россия, а все культурное человечество...» [12, с. 326-327].

Г.П. Федотов был убежден: «...вопрос о спасении нашей культуры есть вопрос духа...» [12, с. 315]. По его мнению, главной проблемой будущего мирового развития станет установление отношений между Западом и возрождающимися народами Востока. В середине XX века Восток еще слишком слаб технически, чтобы включиться с выигрышем для себя в создание новой мировой федеративной Империи. По достижении им технического совершеннолетия ситуация изменится. Продолжающаяся в современной культуре борьба эллинства (европейской цивилизации) и Востока уже для поколения детей или внуков может стать основной проблемой мировой истории.

Г.П. Федотов не использовал понятие «глобализация», но удивительно точно описал его: «...Нет, не национальное сознание способно сейчас организовать мир; скорее оно мешает новой организации, стремится увековечить хаос. Нечего и говорить о том, что за столетие индустриального капитализма оно растеряло все те великие ценности, которые некогда национальный романтизм писал на своем знамени. Культура – или бескультурность – современных наций становится все более космополитической, безнадежно однообразной. Национальные традиции служат больше для декоративной рекламы внутренне пустой технической цивилизации... Политическая фразеология находится в кричащем противоречии с политическими реальностями... Сейчас народы мира движутся близоруким эгоизмом, ненавистью и, всего больше, страхом. Это значит, что они готовы принять единство, только продиктованное силой, только в форме Империи...» [12, с. 309-312].

Применительно к России этот вывод Г.П. Федотов сформулировал так: в российской истории «...имперское сознание питалось не столько интересами государства – тем менее народа, – сколько похотью власти: пафосом неравенства, радостью унижения, насилия над слабыми. Этот языческий комплекс для России XIX века означал кричащее противоречие между политикой государства и заветами ее духовных вождей. Русская литература была совестью мира, а государство пугалом для свободы народов. Потеря Империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик... Не одно поколение понадобится для...возвращения в заглохшую традицию русской культуры, а через нее – и русского христианства...» [12, с. 327].

В статье «Судьба империй» Г.П. Федотов не раскрыл свое видение пути возвращения России к утраченным христианским традициям. Однако другие его работы позволяют реконструировать понимание им роли православной церкви России в этом процессе.

В частности, в статье «К вопросу о положении русской Церкви» (Париж, 1930 г.) Г.П. Федотов рассмотрел государственную политику большевиков по отношению к православию и отметил полулегальность деятельности церкви: «...Храмы открыты, но храмы взрываются динамитом. Епископы и священники в торжественных облачениях совершают свое служение у алтаря, и они же тысячами ссылаются в Соловки и Сибирь за это дозволенное законом, открыто совершаемое служение. Конституция и декреты объявляют свободу совести, но открытое исповедание себя

христианином для большинства означает потерю работы, голод, гражданскую смерть...» [4, с. 185].

Историк пришел к заключению: «...В гонении на религию в России есть, бесспорно, какой-то процент чистого, демонического богоборчества, но есть и доля (вероятно, более крупная) политического страха перед Церковью как социальным институтом, возможным центром народного сопротивления...» [4, с. 188]. Г.П. Федотов отметил былое политическое единство между православной церковью и монархическим государством и предложил новый вариант решения социальных задач для церкви: разорвать связь церковных и политических идей, очистить религиозное исповедничество от любой примеси политической и национальной борьбы.

Таким образом, анализируя духовную культуру России первой половины XX века, Г.П. Федотов описал качественные структурные перемены, которые произошли в ней благодаря Октябрьской революции 1917 года. Он отметил новые интеллектуальные возможности, появившиеся перед народными массами в результате революционных преобразований, и сделал вывод о том, что в своем развитии Россия приблизилась к общеевропейскому типу демократической культуры.

Историк указал на форсированность происходивших в России процессов и снижение уровня интеллектуальной культуры элиты общества по сравнению с дореволюционным периодом. Он обратил внимание на неустойчивость социальной дифференциации в послереволюционном российском обществе, но рассматривал ее как временное явление, характерное для всех социальных революций и предшествующее образованию новой аристократии.

Духовное состояние России первой половины XX века Г.П. Федотов оценивал в общеевропейском контексте. Он утверждал, что Первая мировая война во всей Европе продемонстрировала кризис гуманистической культуры. Особенно ярко он проявился в политике национализма и империализма ведущих государств, которая привела человечество ко Второй мировой войне. Ее историк понимал как второй акт одной мировой трагедии.

Почти за столетия до распада СССР Г.П. Федотов предрек его крах. Он предсказал современный процесс мировой глобализации, противостояние Западной и Восточной цивилизаций. В целях спасения культурного человечества и самой России Г.П. Федотов призывал ее вернуться к заглохшим традициям русской культуры. Среди них важнейшим он видел возрождение «русского христианства».

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 173-184.
2. Федотов Г.П. Завтрашний день // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 188-205.
3. Федотов Г.П. Защита России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 122-125.
4. Федотов Г.П. К вопросу о положении русской Церкви // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 185-196.
5. Федотов Г.П. Новая Россия // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 197-227.
6. Федотов Г.П. Новый идол // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 50-65.
7. Федотов Г.П. О национальном покаянии // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 41-49.
8. Федотов Г.П. Проблемы будущей России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 228-285.
9. Федотов Г.П. Революция идет // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 127-172.
10. Федотов Г.П. Создание элиты (Письма о русской культуре) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 163-187.
11. Федотов Г.П. Сталинокрафия // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 83-97.
12. Федотов Г.П. Судьба империй // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.:, 1991. – Т. 1. – С. 304-328.

13. Федотов Г.П. Сумерки Отечества // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 320-328.
14. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – Санкт-Петербург, 1991. – Т. 1. – С. 66-101.
15. Федотов Г.П. Тяжба о России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 103-121.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулашова